

29 АВГ 1943

Харьковские встречи

Инженеры

Я уже писал о встрече с инженерами Харьковского тракторного завода. Я был потрясен их внешним видом, они напоминали людей, которые долго сидели в заключении. Вчера я встретился с другой группой инженеров, имевших несчастье оставаться в Харькове при оккупации. Речь идет о Харьковском Технологическом институте. Это было одно из крупнейших технических учебных заведений в стране. Институт готовил специалистов для машиностроительных и химических заводов, для электротехнической, строительной и авиационной промышленности. Огромное большинство работников института успело эвакуироваться еще до первой оккупации. В Харькове осталась лишь небольшая группа профессоров и научных сотрудников института. Они перенесли на себе все ужасы оккупационного режима.

Изю дня в день немцы расхищали, разрушали и уничтожали имущество институтских лабораторий, научных кабинетов. Они взорвали здание аэродинамической лаборатории, сожгли большую часть цехов учебного завода, чертежный корпус. Уничтожили жилой дом профессуры, начали разрушать электростанцию, но не успели: подошли части Красной Армии. Немцы приказали упаковать для отправки в Германию книги технической библиотеки. Однако сотрудники библиотеки сумели спрятать наиболее ценные экземпляры.

Чтобы не умереть с голода, научные сотрудники вынуждены были отправляться пешком в села и здесь выменивать последний свой скраб. Я встретился с инженерами технического бюро Хильченко, Гидрат и Четвериковым. Они рассказывают, что их спасала от голодной смерти дохлая конина. Случалось, кому-либо посчастливилось достать немного требухи. Ее хватало для всех, и требуху разыгрывали по лотерейным билетам.

Время от времени то один, то другой научный работник получал повестки для явки на биржу труда. Это означало угон в Германию. Люди бросали насиженные места, удирали в села, скрывались по квартирам знакомых, — лишь бы не быть отправленными в Германию. Неоднократно фашистский комендант присылал за главным инженером технического бюро Гребенником, требовал, чтобы тот отправился в Германию. Гребенник — крупный специалист по строительству химических заводов, один из участников строительства Березниковского химкомбината. Он ссылался на свой преклонный возраст, всячески уклонялся. Несколько раз ему присылали напоминания, вызывали в комендатуру, угрожали смертью. Он оттянул до прихода Красной Армии. Старик лишился всего, что у него было, распродал все вещи, чтобы не умереть с голоду, но не пошел работать на врага. За несколько дней до освобождения города от немцев фашистский офицер снял с руки Гребенника на улице часы.

В таком же положении были при оккупантах профессора Терещенко, Тютюников, Дружинин, Бжечко. Немцы врываются в квартиры профессоров и научных сотрудников института, забирали всё, что попадало под руку. У профессора Фарафопова

вытащили из квартиры и сожгли всю мебель.

Так жили при немцах харьковские инженеры...

Актеры

Незаметно до изменения фашистских войск из Харькова прохожие были свидетелями такой сцены. Вблизи здания театра имени Шевченко стояла перед немецким офицером бледная, дрожащая женщина.

— Я вам приказал собраться к отъезду! — кричал офицер. — Почему вы до сих пор здесь?

Женщина хотела что-то ответить. Офицер размахнулся и с силой ударил её кулаком по лицу.

— Будете знать, дрянь, как выполнять приказания!

Удары сыпались один за другим. Слезы текли из глаз женщины. Но она молчала. Наконец, офицер, утомившись, прекратил избиение.

— Завтра я решу, что с вами делать, — крикнул он.

Это был зондерфюрер Бек, вершивший судьбы актеров. Женщина, которую он избил, — Елена Николаевна Филонова, бывшая первая скрипка бывшего оркестра. Приказ об эвакуации актеров был отдан несколько дней назад. Но никто и не думал оставлять родной город. Театр стоял мертвый. Спектаклей не было. Советские войска были под стенами города — в Померках, в Сокольниках, у Тракторного, у Журавлевки. Немцы не успели учинить расправу с теми, кто отказывался уехать. Злобно ругаясь, сжимая в бешенстве кулаки, Бек в последний раз вышел из театра, угрожая перестрелять всех, кто здесь останется. Но никто не выполнил его распоряжения...

Мы сидим в бывшем кабинете директора и беседуем с группой актеров. Прошло всего несколько дней после прихода советских войск. Еще свежи в памяти месяцы рабства. Как и все жители города, актеры при немцах владели жалкое существование. С утра до вечера над ними висела угроза побоев. Грубая брань фашистского надсмотрщика преследовала их повсюду. Стоило кому-нибудь повернуться или встать не так, как это нравилось Беку, и на «вышного» градом сыпались побои. Никто не знал заранее, в каком настроении будет сегодня Бек и кто из вызванных им актеров будет сегодня его очередной жертвой. Днякой расправы не избег никто.

Конечно, ни о каком искусстве при немцах не могло быть и речи. Зато немцы вдоволь издевались над национальным достоинством украинских актеров. Их заставляли разучивать немецкие похабные куплеты. Во время «репетиций» гнусная рожа фашистского коменданта торчала перед актерами в зрительном зале. Малейшее неподчинение вызывало площадную брань и побои. В здании разоренного, разграбленного театра часто устраивались пьяные оргии для немецких офицеров. Передко актёра или актрису вызывали в гестапо. Шодолгу допрашивали. Несколько актёров, вызванных в гестапо, не вернулись оттуда. Судьба их неизвестна...

З. ОСТРОВСКИЙ,

спец. корреспондент «Известий».

ХАРЬКОВ, 28 августа.

Зер
Кельк. Филл. Мемор. 1943. М. 7. Харьков